

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Интерес к истории партии социалистов-революционеров возник в Германии после революции и Гражданской войны в России. Тем не менее наиболее осознанно он проявился в период холодной войны. Социалисты-революционеры интересовали немецких историков как наиболее массовый и значительный противник большевизма и тоталитаризма. Немецким историкам удалось представить свою оригинальную концепцию истории партии эсеров.

Ключевые слова: немецкая историография; партия социалистов-революционеров; партия левых социалистов-революционеров; Манфред Хильдермайер; Лутц Хефнер.

Немецкая историческая наука издавна проявляет интерес к восточноевропейской истории. Стоит напомнить имена И.Г. Байера, А.Л. Шлецера, Г.Ф. Миллера, которые еще в начале XVIII в. заложили основы для действительно научного изучения истории России. В XX в. интерес германских исследователей нашел свое отражение в многочисленных публикациях, среди которых важное место занимает тема российской многопартийности, и в частности истории партии социалистов-революционеров [1].

Начало изучения истории партии социалистов-революционеров (ПСР) в немецкой исторической науке было положено диссертацией Н. Rimsha «Русская Гражданская война и русская эмиграция в 1917–1921 гг.» [2]. Используя материалы газет «Дело Народа», «Воля народа», «Общее дело», «Воля России», автор исследовал различные партийные группировки, ориентировавшиеся в разное время на Германию и Францию, Англию и Америку, Чехословакию и Польшу. По его мнению, русская эмиграция после Гражданской войны представляла «чудовищно пеструю картину».

Н. Rimsha писал о партийных разногласиях в эмигрантских кругах. Они были слишком велики, «каждая партия с большим пылом говорила о банкротстве и разложении другой» [2. С. 98]. С определенной долей сожаления автор констатировал отсутствие у русской политической эмиграции вождя, который мог бы объединить все эти разрозненные политические группировки в борьбе с советской властью. Впоследствии автор дал «убийственную картину разложения русской политической эмиграции» и был вынужден признать «грандиозность и величие» строительства социализма в России [Ibid. С. 104].

После длительного перерыва интерес немецких историков к ПСР стал возрождаться в 1970-е гг. Во многом он был связан с именем М. Хильдермайера. Совершенно очевидно, что социалисты-революционеры заинтересовали М. Хильдермайера и других специалистов по восточноевропейской истории (среди них мы видим самых авторитетных исследователей Н. Altrichter, D. Geyer, D. Bayrau, K.D. Grothusen, B. Bonwetsch) прежде всего как наиболее значимый политический противник большевизма, коммунизма, тоталитаризма. Причем явная фальсификация истории эсеров в СССР обеспечивала немецким ученым бесспорное преимущество перед советскими коллегами, хотя первые достаточно часто приносили в свои работы об эсерах элементы апологетики и идеализации.

Сомнительно, так ли уж прав М. Хильдермайер, когда пишет, что эсеровская партия больше других годилась на роль силы, которая могла бы в 1917 г. вывести страну из кризиса при сохранении демократии [3. С. 133–134]. На мой взгляд, его суждения по этому вопросу спорны. Ни эсеры, ни меньшевики не могли спасти Россию от катастрофы при сохранении демократии. Это могло быть по силам либо генералитету во главе с Л.Г. Корниловым, либо большевикам во главе с В.И. Лениным. Но и те и другие имели свое весьма специфическое представление о демократии.

Источниковая база немецких историков 1970–1980 гг. в основном была представлена документами из богатейших коллекций архива ПСР в Международном институте социальной истории в Амстердаме (Нидерланды), архивного собрания документов по революционно-освободительному движению Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США) и Бахметьевского архива в Нью-Йорке.

В совокупности источниковая база немецкой историографии ПСР представляла брошюры, листовки, газеты, журналы протоколы съездов ПСР, протоколы съездов Советов и других общественных организаций, мемуары и внутрипартийные документы: финансовые отчеты, служебная переписка и т.д. Германские исследователи активно привлекали русскую периодику первой четверти XX в., которая хранится в европейских и американских библиотеках, а также работы советских историков разных лет. Лишь с начала 1990-х гг. немецкие историки получили возможность работать в некоторых российских архивах, в том числе в ГАРФ и РГАСПИ.

В германской историографии сложились определенные традиции изучения истории партии социалистов-революционеров, особенно периода ее борьбы с самодержавием. Проанализированы программные цели партии, средства и методы воплощения их в жизнь, установлены численность организаций, их социальный состав [1. С. 23]. Работ по истории ПСР периода после российской революции 1917–1922 гг. создавалось гораздо меньше. Видимо, интерес к покинувшей авансцену истории партии эсеров находился в плену традиционных западных представлений об элементарном их разгроме большевиками.

Немецкие историки пришли к выводу, что объединение различных народнических групп в партию эсеров произошло после слияния двух направлений революци-

онного движения – старого народнического, представленного вернувшимися со ссылки Е.К. Брешко-Брешковской, М.Р. Гоцем, М.И. Натансоном, и студенческой молодежи – Г.А. Гершуни и В.М. Чернова. Их ближайшей целью было скорейшее достижение политической свободы конституционным путем, в перспективе они мечтали о смене политического и социального режима. Эсеры унаследовали от народников симпатии к крестьянству и приверженность к террору. В то же время, по мнению М. Хильдермайера, эсеры осознавали, что свою поддержку им легче найти в городской среде, среди пролетариата. В этом, безусловно, проявилось влияние марксистской концепции. Немецкий историк пришел к выводу, что эсеры в отличие от предшествующего поколения народников уже не делали ставку исключительно на крестьянство и не рассматривали терроризм как единственное средство борьбы [4. S. 512–535].

М. Хильдермайер пишет, что программа эсеров содержала немало утопичного, многие аспекты оставались в тени, например, что будет с промышленностью? Однако им признается, что программа отвечала чаяниям крестьянства, и этим объяснялась широкая популярность эсеров в деревне. По мнению немецкого историка, возникновение партии социалистов-революционеров тесно связано с «рациональным оптимизмом» П.Л. Лаврова, который пропагандировал знания как мотивацию социального развития, и Н.К. Михайловского, чья пессимистическая концепция развития капитализма в России показывала дифференциацию в обществе и разрушила наивную простоту русского человека [1. S. 17].

Росту сторонников «народнического» социализма также способствовало распространение «научного» социализма, или, как пишет немецкий историк, «постмарксизма» в России. Его последователи отрицали какую-либо значимость интеллигенции и крестьянства в социальном переустройстве общества, поэтому народники поставили себе задачей создать объединенный фронт для свержения всем ненавистной автократии и капитализма. Как полагает М. Хильдермайер, они ввели специальный термин «трудовой народ», чтобы конкретизировать свою социальную базу.

Оценивая особенности ПСР в первые годы ее существования, немецкие историки выявили одну из главных: партия эсеров представляла собой объединение различных мнений и направлений. С одной стороны, это было ее достоинство – признак внутренней партийной демократичности, с другой стороны, ее слабость. ПСР напомнила скорее неоформленное движение, чем организованную партию [5. S. 32–53].

В германской историографии нашли свое освещение ряд вопросов, интерес к которым в российской исторической науке был незначительным. Среди них следует назвать национальный, рабочий, проблемы участия эсеров в антивоенном движении. В целом ряде исследований М. Хильдермайера, задуманных как широкое историко-социологическое полотно, большое внимание уделено теоретическим вопросам соотношений «аграрного социализма» и «модернизации».

Основанные на богатейших фондах архива ЦК ПСР, личных фондах ряда участников революции в России в 1905–1917 гг., труды М. Хильдермайера вызвали к себе неподдельный интерес как со стороны западной, так и российской научной общественности. Главная идея его исследований состоит в том, что единственными и настоящими противниками социал-демократии были не кадеты и октябристы, а социалисты-революционеры. Свой вывод автор аргументировал численностью партии эсеров в 1905–1907 гг.: от 42 до 45 тыс. членов против 40 тыс. у большевиков и столько же у меньшевиков [1. S. 267]. И более того, значительной победой эсеров над социал-демократами на выборах II Государственной Думы по рабочей курии в Санкт-Петербурге.

М. Хильдермайер подсчитал, что на наиболее крупных заводах и фабриках русской столицы пролетарии подали больше голосов за социалистов-революционеров, а на мелких предприятиях с количеством работников менее 100 человек – за большевиков. «Этот выбор подтверждал, что ПСР действительно имела глубокие корни в рабочем классе, а социал-демократы, предварительно полагавшие, что петербургский пролетариат на их стороне, были вынуждены признать свою погрешность» [Ibid. S. 221].

Исследователь показал, что и позднее, в 1917 г., социалисты-революционеры продолжали быть наиболее значимыми и опасными оппонентами большевиков. Он объяснил это тем, что в 1917 г. партии правее кадетов как политически самостоятельная величина сошли со сцены вслед за царизмом. От партии октябристов остался лишь ее лидер А.И. Гучков, быстро «сообразивший», что быть военным министром революционной России более обременительно, чем критиковать царских генералов. Кадеты, безнадежно отставшие от хода революции, на деле представляли не программу мер по спасению страны, а всего лишь идею длительной эволюции России на парламентской основе. Страна должна была сделать выбор между пролетарским социализмом и общенародным (подразумевающим рабочий класс, трудовое крестьянство и демократическую интеллигенцию).

В 1980-х гг. под влиянием англо-американских подходов к изучению политических партий в немецкой историографии наметился поворот в освещении деятельности эсеров не только с точки зрения политической истории и лишь на основании изучения документов центральных партийных структур, но и с точки зрения локальной истории, в ракурсе истории повседневности. Пожалуй, наиболее четко в германской историографии этот подход был реализован в монографии L. Häfner «Die Partei der Linken Sozialrevolutionäre in der Russischen Revolution von 1917 / 1918», опубликованной в 1994 г. [6]

До 1994 г. история ПЛСР рассматривалась лишь в контексте общих советологических исследований, а специальные работы отсутствовали. Зарубежные, в первую очередь англоязычные и переводные авторы, как правило, в своих оценках были близки к основным выводам советской историографии партии левых эсеров. Обращение автора к этой тематике во многом

связано с поиском возможных альтернатив однопартийной тоталитарной диктатуры, установившейся летом 1918 г. в России.

Происхождение ПЛСР Наефнер связывал с различной оценкой эсерами характера Первой мировой войны. После свержения самодержавия антивоенная пропаганда левого крыла ПСР резко усиливается. Причинами роста влияния левых эсеров данный исследователь считает политические кризисы 1917 г., неудачи Временного правительства, корниловщину, развернувшееся в стране мощное крестьянское движение против помещиков, причем умеренные социалисты остались в стороне, а левые группы в социалистических партиях стали усиливаться, пытаясь возглавить его. Левые развернули критику руководства ПСР, открыто выражали свои взгляды на страницах печати, на различном уровне партийных и крестьянских съездов. Автор указал, что отсутствие жесткой центристской структуры в эсеровской партии позволяло им это делать успешно [6. S. 623].

Историк пришел к выводу, что в левые группы объединились преимущественно эсеры, не имевшие большого стажа партийной деятельности, радикально настроенное студенчество, рабочие, средняя и мелкая интеллигенция. Нерешительность власти в проведении реформ и усилившиеся в связи с этим недовольство народа в условиях продолжавшейся войны сделали политику Временного правительства непопулярной в глазах значительной части рабочих, солдат и крестьян. Он отметил: «Между тем слева от Чернова все громче и мощнее звучали голоса членов фракции левых эсеров, почти превратившихся в самостоятельную партию и твердо отвергавших всякую коалицию с буржуазией» [Ibid. S. 124].

Наефнер пишет, что в начале августа 1917 г. на VII партийном совете ПСР 40% делегатов причисляли себя к левому крылу [6. S. 623]. Историк установил, что со второй недели сентября 1917 г. левые эсеры взяли под свой контроль эсеровскую организацию Петрограда, начали кампанию за созыв Всероссийского съезда Советов, развернув агитацию за создание однородного социалистического правительства.

В оценке позиции левых эсеров накануне и в период проведения II Всероссийского съезда Советов мнение Наефнера совпадает с выводами американского историка А. Рабиновича о левоцентристском, а не лево-радикальном, как утверждает Ю.Г. Фельштинский, их характере. Выступая против Временного правительства, левые эсеры в то же время были против установления в России диктатуры пролетариата. В частности это проявилось в их стремлении создать однородную социалистическую власть по решению Всероссийского съезда Советов, а не до него. Тактика большевиков по захвату власти до II Всероссийского съезда Советов казалась левым эсерам опасной и нецелесообразной, потому что могла произвести впечатление политической авантюры, борьбы не за власть Советов, а за установление власти конкретной политической партии. Как отмечает немецкий историк, левые эсеры, получив приглашение войти в правительство, отказались, полагая, что смогут выступить в роли посредников между большевиками и их противниками в интересах форми-

рования социалистического правительства на более широкой основе [Ibid. S. 163].

Коалицией с большевиками левые эсеры, по мнению немецкого историка, стремились упрочить свои позиции, весьма шаткие в условиях нарастающего противоборства политических сил, предотвратить Гражданскую войну, нейтрализовать наиболее одиозные планы большевиков, реализовать в опоре на мировую революцию свою платформу. Наефнер пишет: «Левые эсеры, находясь в советском правительстве, стремились сохранить свою самостоятельность, чтобы не дискредитировать себя в глазах более умеренных социалистов [6. S. 182]. Если в аграрном вопросе ПЛСР, по мнению исследователя, продемонстрировала чутье опытного политического игрока в улавливании желаний большинства сельского населения, этого нельзя сказать об их позиции по вопросу о мире. Настаивая на продолжении революционной войны, левые эсеры с поразительным упорством игнорировали усталость крестьянства от войны [Ibid. S. 389].

С чисто немецкой дотошностью и скрупулезностью Наефнер рассматривает такие вопросы, как численность организаций ПЛСР, тираж левоэсеровских газет, состав редакций, зарплата сотрудников, стоимость номера газеты. Анализ этих материалов дается по всем регионам. По сравнению с советскими исследователями, выделяющими лишь четыре проблемы истории ПЛСР: блок с большевиками, аграрную, отношение к Брестскому миру и, наконец, «июльский путч», шагом вперед является изучение немецким историком таких вопросов, как генезис левого крыла ПСР во время Первой мировой войны, образовательный уровень членов ПЛСР, их социальное положение, возраст, отношение партии к профсоюзам и студенчеству, молодежное и женское левоэсеровское движение.

Исследователь уточнил бюджет ПЛСР. Так, например, в ноябре 1917 г. он составлял 6 630 руб., из них 5 200 поступили в качестве пожертвований, 1 262 руб. – выручка от продажи газет. По подсчетам Л. Наефнера, в апреле 1918 г. в партии левых эсеров состояли 62 тыс. членов, а на момент проведения III съезда ПЛРС (июль 1918 г.) – 100 тыс. [Ibid. S. 5].

Анализируя разные стороны левоэсеровских теоретических воззрений, исследователь остановился и выделил такие, как децентрализация государственных институтов, стремление следовать брошенному когда-то Лениным лозунгу «Социализм – это живое творчество масс», увлечение повстанчеством и партизанщиной вместо создания регулярной армии, отрицание смертной казни по суду, своеобразное понимание принципа федерализма. Левые эсеры, как удалось показать немецкому историку, считали основными движущими силами мировой революции крестьянские массы Востока, в отличие от большевиков, сделавших ставку на пролетариат России и Европы. По их мнению, революционные крестьяне России – это глобальная геополитическая категория, способная изменить жизнь на планете. На основании теоретических работ В.Е. Трутовского Наефнер сделал вывод, что левые эсеры вопреки ортодоксальному марксизму считали, что революция начнется не в высококоразвитых странах Запада с их слабо развитым социа-

листическим движением, а благодаря революционному и национально-освободительному движению во всем мире [6. S. 168].

Проанализировав ряд теоретических документов ПЛСР, отчеты комитетов и организаций о социальном составе партии, исследователь сделал и другой вывод: ПЛСР – это обыкновенные средние русские мужики, перепуганные за свое добро, руководимые «лихими» левыми ребятами, у которых кроме страсти к сокрушению и легкости в поступках ничего нет. «Крестьянину, который не видит дальше околицы своего села, эти интеллигенты-радикалы предлагают мировую революцию, но именно они же защищают их от большевистских продотрядов и комбедов [Ibid. S. 169–170].

Весной 1918 г., когда началось разочарование народом итогами большевистской революции, по мнению Naefner, ЦК РКП(б) почувствовал угрозу перехода власти в руки «мелкобуржуазной» ПЛСР. Историк утверждает, что не отношение к Брестскому миру, не введение продовольственной диктатуры, которую левые эсеры поддерживали, полагая, что она будет осуществляться через крестьянские Советы, а именно угроза потери власти большевиками в условиях Гражданской войны привела к конфликту 6 июля 1918 г.

Немецкий ученый согласился с мнением Ю.Г. Фельштинского, что «мятежа» в полном смысле не было, так как у «мятежников» отсутствовал какой-либо план или система действий. «Арест фракции левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов и попытка ее вызволения была выдана за мятеж» [Ibid. S. 550]. За один день левые эсеры были разгромлены в Москве, и, по мнению немецкого историка «руководство ПЛСР не рассчитывало, очевидно, как жестоко и решительно большевики подавят выступление левых эсеров, хотя они знали, что РКП(б) готова решать проблемы насильственным путем. По мере развития революции, указывает Naefner, большевики все более становились прагматиками, а левые эсеры так и остались романтиками революции. Их трагизм состоял в том, что левоэсеровская альтернатива не дала, и не могла, очевидно, дать в той ситуации мгновенных результатов, которых ожидали. Чрезвычайные меры большевиков получили больше шансов. Однако, по мнению Naefner, было бы неверным обвинять только одну из противоборствующих сторон. И большевики, и левые эсеры стремились к конфликту, но оказались не в состоянии разглядеть историческую перспективу, увидеть за однопартийной диктатурой диктатуру одного человека, похоронившего и тех и других. «Без понимания загадочной славянской души, – делает вывод ав-

тор, – любая история российской революции будет отчасти ущербной» [Ibid. S. 390].

В целом германской историографии ПСР удалось представить собственную концепцию истории как партии социалистов-революционеров, так и партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов. В многочисленных публикациях нашли свой анализ причины возникновения партий, даны оценки программы эсеров, ее аграрным, национальным, рабочим аспектам. В общих своих чертах программа ПСР характеризуется немецкими историками как синтез идей русского народничества и западноевропейского аграрного реформаторства. Отмечается также, что эсерам не удалось оказать серьезного влияния на крестьянство, хотя лозунги партии, особенно в период российской революции 1917–1922 гг., были, несомненно, привлекательными.

Основная причина поражения ПЛСР, как и ПСР, по мнению немецких историков, заключается в неадекватном восприятии эсерами реалий политической борьбы, крайней неорганизованности социалистов-революционеров, перманентных внутрипартийных расколов и кризисов, отсутствием широкой социальной базы, большевистскими и белогвардейскими репрессиями.

Гораздо меньше работ, специально посвященных истории партии эсеров в период Гражданской войны. Ограничен интерес исследователей к истории народных социалистов, эсерам-максималистам, часть которых в 1920-е гг. эмигрировала в Берлин. Не лучше обстоит дело и с изучением карательной политики Советского государства по отношению к эсерам, хотя положение здесь отчасти «спасает» знакомство немецкой научной общественности с американской историографией ПСР, представленной трудами O. Radkey [7], V.N. Brovkina [8] и других ученых.

В свете изменений взаимоотношений между западным миром и Россией, расширения источниковой базы западных историков, более плотных контактов с российскими коллегами немецкая историография партии социалистов-революционеров сделала значительный шаг в преодолении сложившихся еще с периода первой российской эмиграции стереотипов. Вместе с тем в трудах германских историков наблюдается и усложнение проблематики исследований. Все чаще исследование партии эсеров интерпретируется с позиции не только политической, но и социальной истории. Более того, современную немецкую историографию отличает тенденция рассматривать историю ПСР в качестве объекта истории культуры России – в самом широком смысле слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hildermeir M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln, 1978.
2. Rimsha H. Russland jenseits der Grenzen 1921–1925. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.
3. Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в русской революции // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 133–134.
4. Hildermeir M. Arbeiterschaft und politische Radikalisierung in der Revolution 1905–1907 // Geschichte und Gesellschaft. 1990. Bd.16. S. 512–535.
5. Hildermeir M. Revolution und Revolutiongeschichte // Die Umwertung der sowjetischen Geschichte / Hrsg. von D. Gayer. Göttingen, 1991. S. 32–53.
6. Häfner L. Die Partei der Linken Sozial-revolutionäre in der Russischen Revolution von 1917/1918. Köln: Bohlau Verlag, 1994.
7. Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917. N.Y., 1958.
8. Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movement in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 марта 2016 г.

GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 98–102.

DOI: 10.17223/15617793/406/15

Kononenko Anatoly A. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a-kononenko@yandex.ru

Keywords: German historiography; Socialist Revolutionary Party; Left Socialist Revolutionaries; Manfred Hildermeier; Lutz Häfner.

The paper is devoted to the modern German historiography of the Socialist Revolutionary Party. Its formation began right after the end of the revolution and Civil War in Russia due to the emigration of intelligentsia, including opponents of Bolshevism. In the period of the National Socialist State this topic was not a priority in German historiography. Once again German researchers paid their attention to it due to the “cold war” between the West and the Soviet Union. German historiography of the Socialist Revolutionary Party received its further development in 1970–1990 when the history of the party attracted Western researchers. It is obvious that Socialist Revolutionaries interested M. Hildermeier and other experts on Eastern European history (the most competent scholars, in the author’s opinion, such as H. Altrichter, D. Geyer, D. Bayrau, K. D. Grothusen, B. Bonwetsch among them), first of all, as the most significant political opponent of Bolshevism, communism, totalitarianism. Moreover, an obvious falsification of the Socialist Revolutionaries history in the Soviet Union provided German researchers with an indisputable advantage over their Soviet colleagues although the former often brought the elements of apologetics and idealization into their works on Socialist Revolutionaries. The researchers examined the issues related to the party genesis, its attitude to the worker and peasant issues, war and peace, the practice of terror against the leaders of the Bolshevik and autocratic state. Historians tried to understand and explain the reasons for the victory of “proletarian” socialism over the “agrarian” one. In addition, they were interested in the conditions of the Bolshevik-Left Socialist Revolutionary Union, the government coalition, its prospects and collapse. Inadequate perception of the realities of political struggle, an extreme degree of disorderliness, permanent intraparty splits and crises, lack of a broad social basis, Bolshevik and White Guard repressions became the cause of “agrarian” socialism defeat. In the author’s opinion, German researchers were able to create their own concept of history both of the Socialist Revolutionary Party and of Left Socialist Revolutionaries. They offered original conclusions and judgements, identified the main areas for further research in the study of history of both Socialist Revolutionaries and neopopulist organizations operating in parallel – Popular Socialists, Socialist Revolutionary maximalists.

REFERENCES

1. Hildermeier, M. (1978) *Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)* [The Socialist Revolutionary Party of Russia. Agrarian socialism and modernization in the Russian Empire (1900–1914)]. Köln: Bohlau Verlag.
2. Rimsha, H. (1927) *Russland jenseits der Grenzen 1921–1925. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte* [Russia beyond the borders from 1921 to 1925. A contribution to the Russian post-war history]. Iena.
3. Hildermeier, M. (1994) Shansy i predely agrarnogo sotsializma v russkoy revolyutsii [Chances and limits of agrarian socialism in Russia]. In: Koval’chenko, I.D. (ed.) *Rossiya v XX veke. Istoriki mira sporyat* [Russian revolution in the twentieth century. Historians of the world argue]. Moscow: Nauka.
4. Hildermeier, M. (1990) Arbeiterschaft und politische Radikalisierung in der Revolution 1905–1907 [Workers and political radicalization in the Revolution of 1905–1907]. *Geschichte und Gesellschaft*. 16. pp. 512–535.
5. Hildermeier, M. (1991) Revolution und Revolutiongeschichte [Revolution and Revolution History]. In: Geyer, D. von. (ed.) *Die Umwertung der sowjetischen Geschichte* [The revaluation of Soviet history]. Gottingen.
6. Häfner, L. (1994) *Die Partei der Linken Sozial-revolutionäre in der Russischen Revolution von 1917/1918* [The Party of the Left SRs in the Russian Revolution of 1917/1918]. Köln: Bohlau Verlag.
7. Radkey, O.H. (1958) *The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917*. New York: Columbia University Press.
8. Brovkin, V.N. (1994) *Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movement in Russia, 1918–1922*. Princeton: Princeton University Press.

Received: 03 March 2016